

И.И.Петров

ПАТТЕРНЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ПАРТИЙНЫХ СИСТЕМ СТРАН ЕС: НАПРАВЛЕНИЕ ПЕРЕМЕН И ПРИЧИНЫ РАЗЛИЧИЙ

Иван Игоревич Петров — преподаватель и аспирант департамента политики и управления факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Для связи с автором: ipetrov@hse.ru.

Аннотация. В статье представлена оригинальная классификация паттернов трансформации партийных систем стран ЕС под влиянием институционализации нового постиндустриального размежевания. Опираясь на теории размежеваний и пространственной конкуренции и задействовав базы данных о позиционировании партий, электоральные индексы и статистику, автор попытался выделить основные траектории трансформации европейских партийных систем в период с 1990 по 2023 г. и определить факторы, ответственные за различия между ними.

В ходе исследования было выявлено пять паттернов, соотносимых с воздействием двух ключевых параметров. Первым из них выступила структурная специфика условий партийной конкуренции в посткоммунистических и иных странах ЕС, связанная с различием между старыми структурированными и новыми волатильными партийными системами. Вторым — принадлежность партийно-политической системы страны к мажоритарно-поляризованному или коалиционно-консенсусному типу по классификации Аренда Лейпхарта: если в одном случае институционализация нового размежевания часто порождала радикальный слом старой конфигурации партий с появлением мощных популистских сил, то в другом — плавный рост фрагментации с оттоком голосов в пользу разнообразных новых партий и усложнением процесса формирования коалиций. Относительную значимость для ряда стран показали также такие факторы, как уровень социально-экономического развития, этноцентричность политики, тип избирательной системы и устойчивость социального государства. В свою очередь гипотезы о важности исходной конфигурации партийных систем, времени образования новых партий и географической близости стран подтверждения не получили.

Ключевые слова: политические партии, партийные системы, теория размежеваний, европейская политика, постиндустриальная трансформация, посткоммунистическая Европа

На протяжении последних лет в странах Запада, прежде всего европейских, происходит фундаментальная трансформация системы размежеваний. Консолидация новых партийных семейств — экологических, леволлиберальных и популистских — приводит к ревизии утвердившихся в послевоенное время правил игры. Росту кризисных явлений в партийных системах на фоне тенденции к картелизации партий во многом способствуют последствия социально-экономических потрясений конца 2000-х — середины 2010-х годов, от которых Европа не оправилась до сих пор.

Между тем анализ повестки партийных семейств демонстрирует, что старые партии рано сбрасывать со счетов: в большинстве своем они не только успешно приспосабливаются к артикуляции требований нового типа, но и удерживают в своих руках критический запас репутации, позволяющий им объединять вокруг себя структурированный электорат. Подобная ситуация, однако, несет в себе риски промедления и неверных шагов в рамках усложняющейся структуры пространственной конкуренции, порождая случаи упадка некогда мощных партий. В частности, во второй половине 2010-х годов такая судьба постигла подавляющую часть социал-демократических партий Западной Европы, чья избирательная стратегия, ориентированная на консенсус между средним классом и пролетариатом, утратила релевантность под влиянием серии разделяющих факторов (отношение к глобализации, политике экономии, миграционной открытости, вложениям в зеленую энергию и др.), подорвавших этот консенсус.

На практике, глядя с позиций сегодняшнего дня, мы можем зафиксировать целый набор возможных траекторий трансформации европейских партийных систем. Еще больше усложняет ситуацию всплеск фрагментации и волатильности в партийных системах посткоммунистических стран, что, вкупе с образованием доминантных партий в Венгрии и Польше, показывает бессосновательность надежд на быструю и последовательную консолидацию партийного плюрализма по завершении эпохи транзита.

В связи с этим выделение паттернов трансформации партийных систем представляется чрезвычайно важной задачей в контексте сравнительных и страновых исследований. При этом идентификация факторов, ответственных за межстрановые расхождения в траекториях партийной трансформации, углубит наше понимание закономерностей функционирования партийных систем, тем самым создав основу для построения прогнозов о вероятности того или иного сценария дальнейшей трансформации конкретных их разновидностей.

**Современные
теории
партийной
трансформации**

В своем классическом виде теория партийной трансформации базируется на сочетании двух концепций — размежеваний и пространственной конкуренции.

Теория размежеваний описывает логику монополизации партиями позиций на противоположных концах общественно значимых размежеваний, а также процесс смены ключевых размежеваний во времени. В частности, родоначальники этой теории Сеймур Липсет и Стейн Роккан¹ выделяли в качестве ведущего для Европы право-левое размежевание в социально-экономической сфере, одновременно фиксируя и ряд второстепенных — религиозное, поселенческое и раскол по линии центр-периферия. Данные размежевания интерпретировались ими как продукт индустриального перехода, приведшего к взлету массовых социал-демократических и всеохватных правоцентристских партий и упадку традиционных либеральных, консервативных и аграрных партий XIX в.

Современные сторонники теории размежеваний сходятся в том, что начиная с 1970-х годов в европейском социуме стало складываться новое размежевание, однако его природа вызывает интенсивные споры. Например, Рональд Инглхарт и Кристиан Вельцель квалифицируют его как ценностное, связанное с постиндустриальным сдвигом в культуре и социальных практиках². В свою очередь Герберт Китчельт и Филипп Рем говорят о преемственности установок избирателей, описывая глобализацию как фактор разделения внутри ранее единых групп среднего класса и пролетариата³. Компромиссная позиция Лизбет Хоге и Гари Маркса предполагает рассмотрение обоих факторов в качестве движителей формирования нового размежевания — с акцентом на повышении структурированности электората, который распадается на множество «ядерных групп», что подрывает потенциал всеохватной право-левой политики⁴. Наконец, коллектив исследователей во главе с Ханспетером Кризи настаивает на необходимости учета евроинтеграции и уровня развития конкретных стран как факторов вариативности репрезентации нового размежевания в разных субрегионах Европы⁵.

Несмотря на все расхождения в подходах, во всех этих случаях формирование нового размежевания связывается с перетеканием голосов от старых всеохватных партий к новым партийным семействам. Между тем на сегодняшний день партии старого типа продолжают доминировать, тогда как новые выступают в роли нишевых.

Данный парадокс объясняет теория пространственной конкуренции, изначально сформулированная Энтони Даунсом⁶, а затем развитая Яном Баджем⁷, Гари Коксом⁸ и Джеймсом Адамсом⁹. Согласно этой теории, партии в своем позиционировании действуют стратегически, опираясь на анализ причин либо собственного проигрыша, либо успеха иных партий на выборах. При этом возможности смены партией своей позиции ограничены, во-первых, наличием репутации, на которую ориентируется ее традиционный электорат, во-вторых, аналогичным маневрированием иных партий, в-третьих, угрозой утраты слоя идей-

¹ *Lipset and Rokkan 1967.*

² *Инглхарт и Вельцель 2011.*

³ *Kitschelt and Rehm 2015.*

⁴ *Hooghe and Marks 2018.*

⁵ *Kriesi et al. 2006.*

⁶ *Downs 1957.*

⁷ *Budge 1994.*

⁸ *Cox 1997.*

⁹ *Adams et al. 2006.*

ных сторонников, важного для сохранения ее поддержки «на земле». Поскольку новые партии обычно не обладают устойчивой репутацией, складывающейся в том числе благодаря участию в коалиционном торге в парламенте и формировании курса страны на международной арене, наиболее выигрышной стратегией для них становится акцентирование спорных, протестных и нишевых тем, что лишь закрепляет неоднозначность их имиджа, поляризуя медианного избирателя по отношению к ним. Затрудняют вхождение в политику новых партий и электоральные правила, которые, как показывает Морис Дюверже¹⁰, задают ограничения для партийной конкуренции.

¹⁰ Дюверже 2002.

При комбинации теории размежеваний с теорией пространственной конкуренции текущую ситуацию в странах Европы можно объяснить следующим образом. Хотя новые партийные семейства уже на протяжении долгого времени консолидировались вокруг растущей поляризации по постиндустриальному сдвигу, до середины 2010-х годов они не могли соперничать с ведущими партиями по причине нишевости своей повестки и ненадежности репутации. Однако на фоне кризиса доверия к старым партиям в эпоху турбулентности уже давно обозначившийся упадок классового и религиозного голосования, а также подъем новых электоральных идентичностей, пусть еще не до конца оформившихся, вышли на первый план. В подобных условиях страх и неопределенность транслировались в бум популизма, бросающего вызов элитам с опорой на нативизм и протекционизм. В свою очередь центристские партии начали сдвигаться в направлении поиска новых электоральных формул, а также компромисса с рядом новых партий (примером чему может служить сотрудничество социал-демократов с зелеными).

Сочетание теорий размежеваний и пространственной конкуренции выступает основой анализа трансформации партийных систем в современной литературе. В новейших работах, посвященных странам Европы, трансформация партийных систем описывается через упадок лояльности избирателей старым всеохватным партиям¹¹, встраивание в позиционирование партий установок по новым размежеваниям¹², кризис отдельных партийных семейств, оказавшихся на пересечении противоположных тенденций в сознании традиционного электората¹³, а также через концепцию партий-картелей, стремящихся воздействовать на правила конкуренции с целью ограничения числа ее значимых участников¹⁴.

¹¹ Dalton 2018.

¹² Green-Pedersen 2019.

¹³ Menz (ed.) 2022.

¹⁴ Katz and Mair 2009.

Вместе с тем проблема исчерпывающего описания новейшей трансформации партийных систем стран ЕС отнюдь не решена. Опираясь на изучение ряда частных кейсов или партий в целом, исследователи отвечают на вопрос о причинах сходств и различий страновых траекторий лишь в некоторой степени, не предлагая при этом какой-либо классификации стран по данному принципу. В настоящей статье предпринята попытка частично заполнить этот пробел, тем самым расширив наши представления о закономерностях трансформации пар-

тийных систем как в современной Европе, так и в постиндустриальном мире *per se*.

Выборка и методология

¹⁵ *Входящие в Евросоюз микросообщества выведены за рамки анализа.*

Использованная нами выборка включает партийные системы 25 стран ЕС¹⁵ в период с начала 1990-х до середины 2020-х годов. Методологически работа разделена на три этапа:

- 1) оценка общей структуры позиционирования партий и партийных семейств;
- 2) выделение паттернов партийной трансформации;
- 3) объяснение выявленных паттернов.

При оценке взаимного позиционирования партий отдельных стран и партийных семейств в целом внутри политического спектра мы опирались на вторичные базы данных — Manifesto Project (MARPOR)¹⁶ и Chapel Hill Expert Survey (CHES)¹⁷. Первая база строит свои оценки на контент-анализе партийных программ, вторая — на экспертном опросе. Указанные базы полностью покрывают заявленную выборку, и их совмещение — в силу разных способов сбора информации — позволяет сделать оценки более валидными.

¹⁶ *Volkens et al. 2013.*

¹⁷ *Bakker et al. 2015.*

В основе оценок MARPOR и CHES лежат оригинальные индексы, характеризующие позиции партий по той или иной проблеме. В нашем исследовании были задействованы семь индексов CHES, соотносимых с тремя размежеваниями — социально-экономическим (LRECON), старым культурным (RELIGIOUS_PRINCIPLES) и новым постиндустриальным, в свою очередь отраженным в четырех темах — евроинтеграции (POSITION), миграционной политики (CH_IMIGR), ценностей (SOCIALLIFESTYLE, GALTAN) и экологии (ENVIRONMENT). Что касается оригинальных индексов MARPOR, то вследствие их фрагментированности они оказались не очень подходящими для оценки позиционирования партий. Поэтому вместо них нами были использованы собственные, построенные посредством суммирования позитивных и негативных индексов MARPOR, соотносимых с тем или иным размежеванием. Формулы индексов размежеваний приведены в *табл. 1*.

В ходе исследования мы измеряли сдвиги партийных позиций, включая в рассмотрение партии, набравшие более 5% голосов на общенациональных парламентских выборах. Для простоты сравнения был взят шаг в 8 лет, позволивший осуществить пять сравнительных измерений во временном промежутке от начала 1990-х (только MARPOR) до конца 2010-х годов.

На основании данных MARPOR, выраженных в более вариативных числовых значениях, нежели CHES, нами был также проведен корреляционный анализ, призванный установить острые темы для каждого из партийных семейств в разные периоды времени. Измерения при этом делались как для выборки в целом, так и для трех отдельных групп стран с потенциально разной структурой позиционирования партий — западноевропейской, южноевропейской и посткоммунистической.

Таблица 1 Формулы индексов размежеваний

Содержание индекса	MARPOR	CHES
Социально-экономическая позиция (правые vs левые индексы)	per401 + per402 + per407 + per414 + per505 - per403 - per404 - per406 - per412 - per413 - per504 - per701	LRECON
Старое неэкономическое размежевание (морально-религиозные индексы)	Traditional Morality: Positive — Traditional Morality: Negative	RELIGIOUS_PRINCIPLES
Отношение к евроинтеграции	European Union: Positive — European Union: Negative	POSITION
Отношение к миграции	National Way of Life: Immigration: Positive + Multiculturalism: Immigrants Diversity + Centralization - National Way of Life: Immigration: Negative - Multiculturalism: Immigrants Assimilation (индексы отношения к миграции, мультикультурализму и централизации)	CH_IMIGR (отношение к миграции)
Авторитаризм — нативизм		SOCIALLIFE-STYLE GALTAN (ценностные индексы)
Внимание к теме экологии	Environmental Protection + Anti-Growth Economy: Positive	ENVIRONMENT

Выделение паттернов трансформации партийных систем осуществлялось путем сравнения индивидуальных кейсов по двум критериям — (1) структуре позиционирования партийных семейств с учетом числа значимых размежеваний и (2) общим тенденциям трансформации, выраженный через ряд индексов, взятых из проекта *Who Governs Europe*¹⁸. Среди таких индексов, соотносимых с характеристиками партийной системы по Джованни Сартори¹⁹, следует выделить индексы эффективного числа партий, фрагментации, поляризации и волатильности. Также нами был рассмотрен характер перетока голосов от старых партий к новым — в какой мере, когда и как именно он происходил в разных партийных системах.

Классифицировав, таким образом, партийные системы по паттернам их трансформации, на финальной стадии исследования мы обратились к проверке гипотез, касающихся параметров, потенциально значимых для разделения партийных систем по паттернам. Для решения этой задачи было проведено кейс-стади для 25 стран выборки с упором на следующие параметры:

- географическая принадлежность;
- уровень социально-экономического развития;
- форма правления и территориального устройства;
- избирательная система;
- политическая культура;
- общая трансформация в изучаемый период;

¹⁸ <https://whogoverns.eu/>.

¹⁹ Sartori 1976.

- отношения с ЕС;
- состояние экономики;
- исходное число значимых размежеваний;
- исходное число значимых партий;
- время образования значимых партий нового типа;
- длительность существования демократии.

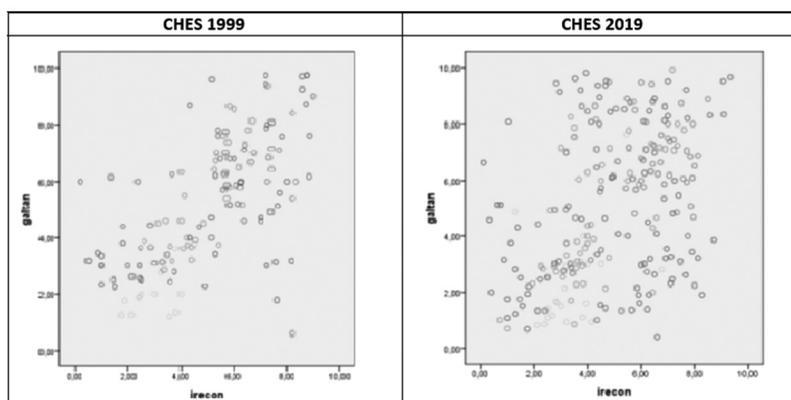
Как будет показано ниже, хотя большей части перечисленных параметров можно приписать значимость, для объяснения выделенных паттернов требуется обратиться к более высокому уровню обобщения, связанному со структурой политической системы в целом.

**Ключевые
тенденции
трансформации**

Принципиальным выводом нашего исследования стала констатация различий в траекториях трансформации между посткоммунистическими и остальными («старыми») европейскими странами: если в первых контекст изменений был задан институционализацией новых партийных систем при транзите к рынку и демократии, то во вторых — их преобразованием под влиянием перехода к постиндустриальному состоянию общества. Вместе с тем определенное сближение двух частей Европы также просматривается: и там и там посткризисные 2010-е годы ознаменовались ростом партийной фрагментации и смещением партийного спектра в направлении репрезентации неэкономических тем и поляризации по ним, пусть и с отставанием посткоммунистических стран примерно на полдесятилетия (см. *рис. 1*).

В рамках «староевропейской» выборки нами было проанализировано 14 стран, к которым в дальнейшем были добавлены две посткоммунистические, объединенные с ними общим признаком — наличием

Рисунок 1 Изменение в позиционировании партий стран ЕС относительно социально-экономического (горизонталь) и неэкономического (вертикаль) размежеваний по данным CHES

консолидированной партийной системы, сохранявшей стабильность с конца 1990-х до начала 2010-х годов. В большинстве стран этой группы была выявлена отчетливая тенденция к образованию постиндустриального размежевания и переориентации партийных систем на его репрезентацию.

В качестве верного признака данного сдвига может рассматриваться значимый и повсеместный подъем популистских партий после 2008 г., ставший следствием как негативных аспектов нового структурирования социума, так и запоздалой реакции крупных всеохватных партий на острые темы. Впрочем, не менее важным трендом посткризисного периода было движение мейнстримных партий в сторону более тщательного отражения в своих повестках неэкономических тем, серьезно сказавшееся на их позиционировании и электоральном успехе.

В частности, на правом фланге произошло разделение между консервативными и либерально-реформистскими силами в плане их позиционирования на новой неэкономической оси размежеваний. Консервативные партии, представляющие амбивалентно настроенный к глобализации старый средний класс, сдвинулись к полюсу натовизма-протекционизма, особенно при наличии выраженной угрозы со стороны популистов. Наоборот, относительно молодые партии правого центра, конкурирующие с консерваторами, в 2010-е годы сблизились в своих установках с лево-прогрессивной повесткой зеленых, выступив в роли выразителей ценностей нового среднего класса и европейской идентичности. Хотя с точки зрения распределения голосов феномен дробления правых оказался более наглядным в волатильной среде посткоммунистических стран, в «старой» Европе он, бесспорно, отражает более глубокие социальные сдвиги, пусть и в латентной форме соперничества крупных партий с малыми либо попыток крупных партий совместить обе повестки ради сохранения широты электоральной базы.

В свою очередь на левом фланге наблюдалось падение популярности социал-демократических партий, если не вызванное, то усиленное изменением структуры размежеваний. Сталкиваясь с конкуренцией со стороны прогрессивных партий относительно голосов среднего класса и популистов правого и левого толка относительно голосов рабочих, социал-демократы теряли поддержку, если только не становились полюсом притяжения для антипопулистских и прогрессивных сил (как это произошло в Италии и Дании). Впрочем, на посткоммунистические страны данная тенденция не распространяется: ввиду патерналистского характера и отсутствия связи социал-демократии в регионе с кейнсианским государством всеобщего благоденствия, а также слабости альтернативных платформ, социал-демократы выступают там лишь одним из многих центров притяжения, в равной доле апеллирующих и к протекционистским, и к прогрессивным идеям.

**«Старая» Европа:
четыре паттерна
трансформации**

Хотя описанные выше тенденции, как уже говорилось, отражают общие параметры трансформации европейских партийных систем, внутри стран, не относящихся к группе посткоммунистических, отчетливо выделяются четыре паттерна, свидетельствующие о разной реакции партийных систем на возникновение нового размежевания.

Первый паттерн отсылает к гипотезе об определяющей роли уровня социально-экономического развития страны для актуализации в ее партийной системе постиндустриального сдвига. Как и в ряде посткоммунистических стран, в партийных системах Португалии и Греции нами не было обнаружено значимой трансформации: к началу 2020-х годов поляризованный партийный спектр этих стран полностью сохранил ориентацию на социально-экономическую тематику в сочетании с традиционными темами религии и культуры. Аналогичную картину мы видим и в посткоммунистической Хорватии, с эпохи транзита поддерживающей систему с двумя ключевыми партиями — левой и правой. Наличие в истории трех упомянутых стран кризисных потрясений, приведших, в частности, к замещению социал-демократов в Греции левыми популистами, не позволяет приписать подобное положение дел спокойным условиям развития. Речь идет, таким образом, именно о сохранении традиционной структуры размежеваний с двумя ведущими партиями, а не о стабильности партийной системы *per se*. Поэтому низкий уровень социально-экономического развития вполне может служить объяснением существования данного паттерна.

Говоря об устойчивости партийной конфигурации, соотносимой со старыми линиями размежеваний, можно выделить и группу стран, следующих второму паттерну партийной трансформации. К ней относятся развитые европейские страны, которые, вопреки имевшему место постиндустриальному переходу, смогли сохранить почти неизменной структуру партийных систем, характерную для более раннего времени, включив в нее косвенно репрезентацию новой проблематики. Так, в общественной федеративной Бельгии противостояние Фландрии и Валлонии способствовало формированию в каждой из провинций собственного доминирующего блока партий, определенным образом связанного с иными размежеваниями, в том числе постиндустриальным. В свою очередь в этнически гомогенных Финляндии и Ирландии сравнительно мягкая форма репрезентации нового размежевания в политике, судя по всему, стала следствием высокой значимости для этих стран темы общей идентичности. В качестве своего рода смешанного случая можно рассматривать посткоммунистическую Эстонию, особенно учитывая тот факт, что в схожей в плане этнотерриториальных проблем Латвии партийная система развивалась по типичному посткоммунистическому сценарию — конфликтному и крайне волатильному. Важно отметить, что в экономическом отношении названные страны превосходят большинство других членов ЕС, а их политика, в отличие от этнически озабоченных государств юго-восточной периферии Европы, носит выраженный коалиционно-консенсусный характер.

²⁰ Lijphart 2012.

Именно характер политики — с привязкой к коалиционно-консенсусному или мажоритарно-поляризованному типу — сыграл ключевую роль при выделении следующих двух паттернов. Отталкиваясь от концепции, сформулированной Арендом Лейпхартом в его сравнительном исследовании 36 демократий²⁰ (13 из которых попало в нашу выборку), мы полагаем, что стиль национальной политики, которая может тяготеть либо к коалиционному правлению, либо к борьбе двух идеологических полюсов за контроль над правительством, определяется совокупностью факторов, включая тип избирательной системы, модель разделения властей, выраженность тенденций к децентрализации и параметры государства всеобщего благосостояния. Однако в настоящем исследовании большинство этих факторов было вынесено за скобки, поскольку, как было подтверждено эмпирически, вопреки зачастую несхожим конфигурациям властных институтов и государственных политик в разных странах ЕС, партийная политика в них в итоге может либо относительно быстро приспособиться к формату многопартийных коалиций с участием новых игроков, либо пойти по более сложному, болезненному сценарию, почти всегда связанному с сильной программно-идеологической поляризацией и недостатком опыта в выстраивании больших коалиций-мостов.

Как видно из *табл. 2*, критерий «коалиционность vs поляризация» валиден и применительно к странам, отнесенным к ранее выделенным паттернам: если три экономически отсталые страны Южной Европы демонстрируют поляризацию между традиционными левыми и правыми, то четыре страны развитой Северной Европы с высокой значимостью этнотерриториальной повестки — приверженность консенсусному подходу. Более того, случаи замещения крупных партий новыми происходили именно в странах с укоренившейся поляризацией, заложенной в самое основание партийных систем.

Таблица 2 Попытка классификации стран «староевропейской» выборки

<i>Коалиционность vs поляризация</i>		<i>Иные значимые параметры</i>		
<i>Коалиционная политика и открытые переговоры</i>	<i>Поляризация и враждебные коалиции</i>	<i>Без сильных правых популистов</i>	<i>Замещение старых крупных партий новыми</i>	<i>Мажоритарный элемент в выборах</i>
Дания Нидерланды Германия Австрия + Бельгия Финляндия Ирландия Эстония	Великобритания Франция Италия Испания Швеция + Португалия Греция Хорватия	Великобритания Ирландия + Португалия Греция Хорватия	Франция Италия + Греция	Великобритания Франция Италия Германия

Так, во Франции и Италии ориентация партийно-политического спектра на социально-экономическую ось в 2010-е годы трансформировалась в поляризацию по двум размежеваниям — не только между правыми и левыми, но и между прогрессивными и нативистско-протекционистскими партиями, а также в целом между проевропейским центризмом и консервативно-протестным популизмом, в конце десятилетия пришедшим к власти в Италии и ставшим второй по значимости силой во Франции. В контексте объяснения последнего сдвига можно отметить, что в предшествовавшие кризису годы модели развития обеих стран уже переживали серьезные пертурбации. Аналогичным образом в менее развитой Греции, сильно пострадавшей в ходе кризиса 2008 г., имело место замещение социал-демократов левыми популистами, ориентированными, однако, исключительно на социально-экономическое размежевание.

В свою очередь страны с чуть меньшей поляризацией и более устойчивыми моделями социального государства (Австрия, Швеция и частично Испания) могут быть квалифицированы как пограничные — со сложными отношениями между полярными партиями, но без фатального оттока голосов к популистам. Ключевым фактором здесь, видимо, выступает наличие возможностей и предмета для межпартийного торга, а также отсутствие завышенных ожиданий со стороны избирателя, не привыкшего к политике, построенной на полном отрицании позиций оппонентов.

В странах с пропорциональным представительством и опытом больших коалиций трансформация партийных систем в 2010-е годы четко следовала модели относительно мягкого расширения числа значимых партий в парламентах, что могло порождать сложности в построении эффективных коалиций и неизбежно вело к уменьшению голосования за две крупнейшие партии, но в целом не подрывало стабильности этих систем. Примером здесь может служить Дания, пережившая подъем правого популизма еще в 1990-е годы, однако сумевшая сразу вписать его в рамки коалиционной политики. В Германии и Нидерландах, где политическая система тоже благоприятствует коалиционной политике, правые популисты остались нерукопожатными, тогда как партии леволиберального, зеленого и радикально левого семейств смогли успешно институционализироваться в качестве коалиционных партнеров старых партий и альтернативы для их бывшего электората.

Таким образом, можно констатировать, что вероятность одной из двух траекторий постиндустриальной трансформации партийных систем в «старой» Европе в значительной степени определяется типом партийно-политической системы. Преобладание в стране коалиционно-консенсусного элемента подталкивает ее к заметному росту партийной фрагментации, хотя сама трансформация при этом происходит относительно плавно, сужая воздействие популизма до относительно небольшого сегмента электората. Напротив, в жестко поляризованных системах срывы правительственной политики чреватые замещением ста-

рых партий новыми, ориентированными на изменившуюся структуру размежеваний, а также на привычку электората к радикализации противоречий, что благоприятствует сильным популистским тенденциям.

Иные факторы, включая избирательную систему, должны, на наш взгляд, рассматриваться в данной схеме как подчиненные. Исключение составляет случай Великобритании. Не попадая ни в один из паттернов, он демонстрирует ведущую роль электоральных характеристик в поддержании уникальной конфигурации, сочетающей эффект формирования нового размежевания в мажоритарно-поляризованной системе с сохранением стабильной модели «двух с половиной партий», реагирующей на изменения через смену повесток сложившихся игроков, а не подъем новых партийных семейств, отсекаемых крайне высоким порогом вхождения в политический процесс.

Посткоммунистическая Европа: один паттерн с множеством ответвлений

Развитие партийных систем посткоммунистических стран ЕС в период после 1990 г. имеет, как уже упоминалось, ряд значимых особенностей, помимо общей направленности в сторону создания новой конфигурации партий в условиях перехода к рынку и демократии.

В частности, в посткоммунистических странах отсутствует сильная традиция классово-социальной демократии, а спрос на левые идеи в целом невысок. Параллельно выраженная специфика прослеживается и на правом фланге партийной политики: на практике для посткоммунистических стран характерно не разделение между кейнсианскими левыми и неолиберальными правыми, а поляризация между консервативно-патерналистским и прогрессивно-европейским вариантами центризма с уклоном вправо или влево, зависящим от ситуации в конкретной стране. Учитывая высокую волатильность партийных систем, сопряженную с новизной института партий *per se*, нелинейной структурой размежеваний, а также особым значением внешних шоков для возвышения или упадка партий, можно говорить о наличии собственной логики взаимодействия внутри партийного спектра стран этого типа. Описывая указанную логику, мы можем связать ее с единым паттерном при сохранении, однако, серьезной вариативности.

Медианный сценарий развития партийной политики в рамках данного паттерна выглядит следующим образом: доминирование связи старого неэкономического и «транзитологического» размежеваний с делением партий на две группы — альянс условно правых семейств и крупную левую партию, наследовавшую коммунистам, — в 1990-е годы; резкое снижение фрагментации в условиях возрастания роли социально-экономического размежевания и ослабления идеологических споров (последнее часто вело к формированию конфигурации из двух-трех крупных партий, вытеснивших конкурентов из политики) в 2000-е; новый рост фрагментации с середины 2010-х годов на фоне актуализации нового размежевания — сначала в контексте поляризации по евроинтеграции и обращения ряда крупных партий к риторике национал-попу-

лизма, затем в виде подъема новых малых партий, ориентированных на прогрессивно-либеральный и националистический электорат.

При всей значимости общих тенденций, позволяющих говорить о наличии единого паттерна партийной трансформации, на практике в каждой стране просматриваются отличия от медианного сценария. В частности, в ряде стран в 1990-е годы имела место попытка создания доминантных партий, не выдержавших, однако, интенсивности посткоммунистической поляризации. Кроме того, за более выраженным уровнем партийной фрагментации в странах посткоммунистической выборки часто стоит фактор этнической разнородности.

Другим фактором, отвечающим за степень фрагментации партийных систем в посткоммунистическом кластере, является сопряжение партий с тремя-четырьмя значимыми размежеваниями — социально-экономическим, старым этнокультурным, новым постиндустриальным и обращенным к евроинтеграции. Важно отметить, что старое этнокультурное размежевание, окончательно потерявшее значимость на Западе в 2000-е годы, все еще актуально для партий в посткоммунистических странах. Напротив, поскольку социально-экономическая поляризация в регионе часто не очень сильна, она редко может в одиночку задать контуры партийного спектра.

В этом аспекте возвышение нового поколения доминантных партий в Венгрии и Польше в целом укладывается в описанную выше логику позиционирования партий, не формируя, на наш взгляд, отдельного паттерна. Так, в течение 1990-х годов названные страны развивались по средней для региона траектории: то, что произошло в 2010-е годы, было одновременным совмещением позиций доминантной партии по нескольким актуальным размежеваниям, при том что для оппозиции подобное совмещение оказалось структурно невозможным. В случае Венгрии на это повлиял распад партии — оппонента доминантной, позволивший той расположиться в экономическом центре, а также дальнейший транзит к полуавторитаризму, сопровождавшийся изменением электоральных правил в направлении, ставившем инкумбента в привилегированное положение. В случае Польши успех был более ситуативным, породив не гегемонию, но рост поляризации в формате, выгодном доминантной партии. И там и там, однако, режиму доминантной партии благоприятствовали два обстоятельства: низкий уровень социально-экономической поляризации между партиями и отсутствие этнической фрагментации.

Заключение

Как отмечалось выше, целью представленного исследования было изучение закономерностей трансформации партийных систем стран ЕС посредством их классификации. Сравнение траекторий такой трансформации позволило выделить пять паттернов, описывающих сходство и различие траекторий через их связь с несколькими ключевыми характеристиками (см. *табл. 3*).

Таблица 3 Классификация 25 стран ЕС с распределением их по пяти паттернам

<i>Паттерны</i>	<i>Страны</i>
Стабильная структура размежеваний, коалиционный тип	Бельгия Финляндия Ирландия + Эстония
Меняющаяся конфигурация партий, коалиционный тип	Дания Нидерланды Германия Австрия Швеция
Стабильная структура размежеваний, поляризованный тип	Португалия Греция + Хорватия
Меняющаяся конфигурация партий, поляризованный тип	Франция Италия Испания
Посткоммунистический паттерн	Чехия Словакия Латвия Литва Румыния Болгария Словения + Польша Венгрия
Исключения	Великобритания

Судя по результатам исследования, важнейшей из этих характеристик является деление устойчивых партийно-политических систем западных демократий на тяготеющие к мажоритарно-поляризованному либо к коалиционно-консенсусному типу (по классификации Лейпхарта). Именно это, по нашему заключению, обуславливает большую или меньшую жесткость трансформации партийной системы в контексте институционализации нового размежевания. Вместе с тем есть основания полагать, что в странах, которые нельзя четко отнести к одному из двух типов, существенное значение имеет устойчивость модели социального государства в целом. Немалую роль здесь играет характер поляризации, политической культуры и избирательной системы, а также состояние экономики как дополнительный внешний стимул.

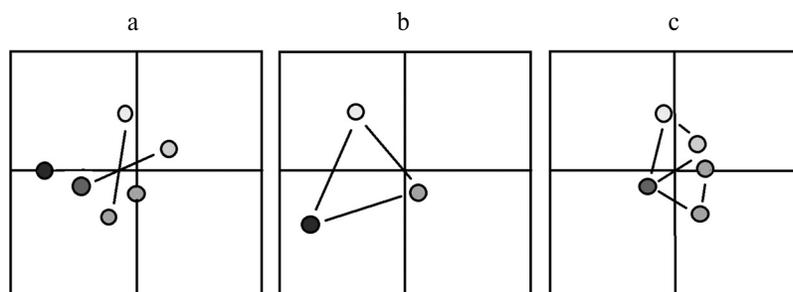
Кроме того, было обнаружено, что в ряде случаев партийная конфигурация может оставаться стабильной. В числе факторов, способ-

ствующих данной аномалии, — сравнительно низкий уровень социально-экономического развития, а также этноцентричность политики в рамках коалиционной системы. Применительно к Великобритании, не попавшей ни в один из пяти паттернов, таким фактором выступает наличие мажоритарной системы относительного большинства. При этом вклад стартовых условий трансформации, таких как начальное число значимых партий и время возникновения партий нового типа, в определение паттерна трансформации минимален.

Еще одним результатом исследования стала фиксация различий между конфигурацией партийного спектра в «старых» и посткоммунистических странах ЕС (см. *рис. 2*). Что интересно, относительная экономическая отсталость стран Южной Европы и «молодость» их демократии аналогичных различий не породили: в обоих «староевропейских» субрегионах институционализация нового размежевания происходила посредством возвышения партий нового типа, бросавших вызов хорошо структурированному позиционированию традиционных всеохватных партий, ориентированных на социально-экономическое размежевание.

Примечательно, что в посткоммунистических странах пространственная борьба партий не обладает сколько-нибудь выраженной значимостью. Напротив, в условиях характерной для них волатильной и слабоструктурированной конфигурации партий повестка нового типа легко встраивается внутрь старой системы размежеваний, не порождая новых семейств нишевых партий. Последнее, в сравнении с Южной Европой, говорит о важности именно структурных факторов, обеспечивающих рамки партийной конкуренции, а не самой по себе географической принадлежности, отсталости или позднего перехода к демократии. В свою очередь это указывает на то, что посткоммунистический паттерн

Рисунок 2 Примерная конфигурация партийного спектра (2010-е годы) с учетом значимых партий в (а) консенсусной, (б) поляризованной и (с) посткоммунистической партийных системах с позиционированием по двум размежеваниям — социально-экономическому (горизонталь) и неэкономическому (вертикаль)

не отменяет наших выводов о ключевой роли рамочных условий, пусть даже классификация Лейпхарта не сильно подходит к реализующим его странам.

Таким образом, можно утверждать, что в политических системах с разными структурными характеристиками институционализация нового размежевания происходила и будет происходить по-разному, вопреки универсальности данного тренда в масштабах Европы. При этом некоторые важные закономерности видны уже на современном этапе, тогда как другие пока скрыты за завесой будущего.

Библиография

Дюверже М. (2002) *Политические партии*. М.: Академический проект.

Инглхарт Р. и К.Вельцель. (2011) *Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития*. М.: Новое изд-во.

Adams J., M.Clark, L.Ezrow, and G.Glasgow. (2006) «Are Niche Parties Fundamentally Different from Mainstream Parties? The Causes and the Electoral Consequences of Western European Parties' Policy Shifts, 1976—1998» // *American Journal of Political Science*, vol. 50, no. 3: 513—529.

Bakker R., C. de Vries, E.Edwards, L.Hooghe, S.Jolly, G.Marks, J.Polk, J.Rovny, M.Steenbergen, and M.A.Vachudova. (2015) «Measuring Party Positions in Europe: The Chapel Hill Expert Survey Trend File, 1999—2010» // *Party Politics*, vol. 21, no. 1: 143—152.

Budge I. (1994) «A New Spatial Theory of Party Competition: Uncertainty, Ideology and Policy Equilibria Viewed Comparatively and Temporally» // *British Journal of Political Science*, vol. 24, no. 4: 443—467.

Cox G.W. (1997) *Making Votes Count: Strategic Coordination in the World's Electoral Systems*. Cambridge: Cambridge University Press.

Dalton R.J. (2018) *Political Realignment: Economics, Culture, and Electoral Change*. Oxford: Oxford University Press.

Downs A. (1957) *An Economic Theory of Democracy*. New York: Harper and Row.

Green-Pedersen C. (2019) *The Reshaping of West European Party Politics: Agenda-Setting and Party Competition in Comparative Perspective*. Oxford: Oxford University Press.

Hooghe L. and G.Marks. (2018) «Cleavage Theory Meets Europe's Crises: Lipset, Rokkan, and the Transnational Cleavage» // *Journal of European Public Policy*, vol. 25, no. 1: 109—135.

Katz R.S. and P.Mair. (2009) «The Cartel Party Thesis: A Restatement» // *Perspectives on Politics*, vol. 7, no. 4: 753—766.

Kitschelt H. and P.Rehm. (2015) «Party Alignments. Change and Continuity» // Baramendi P., S.Häusermann, H.Kitschelt, and HKriesi, eds. *The Politics of Advanced Capitalism*. Cambridge: Cambridge University Press: 179—201.

Kriesi H., E.Grande, R.Lachat, M.Dolezal, S.Bornschier, and T.Frey. (2006) «Globalization and the Transformation of the National Political Space: Six European Countries Compared» // *European Journal of Political Research*, vol. 45, no. 6: 921–956.

Lijphart A. (2012) *Patterns of Democracy: Government Forms and Performance in Thirty-Six Countries*. New Haven: Yale University Press.

Lipset S.M. and S.Rokkan. (1967) «An Introduction» // Lipset S.M. and S.Rokkan, eds. *Cleavage Structures, Party Systems, and Voter Alignments: Cross-National Perspective*. New York: Free Press: 1–61.

Menz G., ed. (2022) *The Resistible Corrosion of Europe's Center-Left after 2008*. London: Routledge.

Sartori G. (1976) *Parties and Party Systems: A Framework for Analysis*. Cambridge: Cambridge University Press.

Volkens A., J.Bara, I.Budge, M.D.McDonald, and H.D.Klingemann. (2013) *Mapping Policy Preferences from Texts III: Statistical Solutions for Manifesto Analysts*. Oxford: Oxford University Press.

I.I.Petrov

PATTERNS OF TRANSFORMATION OF PARTY SYSTEMS IN EU COUNTRIES: DIRECTION OF CHANGES AND REASONS FOR DIFFERENCES

Ivan I. Petrov — Lecturer and Ph.D. Student at the Department of Politics and Governance, Faculty of Social Sciences, HSE University. Email: ipetrov@hse.ru.

Abstract. The article presents an original classification of patterns of transformation of party systems in EU countries under the influence of the institutionalization of a new post-industrial cleavage. Drawing on theories of cleavage and spatial competition and using party positioning databases, electoral indices and statistics, the author attempts to identify the main trajectories of the transformation of the European party systems between 1990 and 2023 and identify factors that explain the differences between them.

The study identified five patterns associated with the effects of two key parameters. The first one is the structural specificity of the conditions of party competition in post-communist and other EU countries, associated with the difference between the old structured and new volatile party systems. The se-

cond parameter is the type of a country's party-political system in accordance with Arend Lijphart's classification — either majoritarian-polarized or coalition-consensus. While under majoritarian system the institutionalization of a new cleavage often gave rise to a radical breakdown of the old configuration of parties with the emergence of powerful populist forces, under consensus system — a smooth increase in fragmentation with the outflow of votes in favor of various new parties and the complication of the process of forming coalitions. For a number of countries other factors, such as the level of socio-economic development, ethnocentricity of politics, the type of electoral system and the stability of the welfare state appeared relatively important. In contrast, hypotheses about the significance of the initial configuration of party systems, the timing of formation of new parties and the geographical proximity of countries were not confirmed.

Keywords: political parties, party systems, cleavage theory, European politics, post-industrial transformation, post-communist Europe

References

- Adams J., M.Clark, L.Ezrow, and G.Glasgow. (2006) "Are Niche Parties Fundamentally Different from Mainstream Parties? The Causes and the Electoral Consequences of Western European Parties' Policy Shifts, 1976—1998" // *American Journal of Political Science*, vol. 50, no. 3: 513—529.
- Bakker R., C. de Vries, E.Edwards, L.Hooghe, S.Jolly, G.Marks, J.Polk, J.Rovny, M.Steenbergen, and M.A.Vachudova. (2015) "Measuring Party Positions in Europe: The Chapel Hill Expert Survey Trend File, 1999—2010" // *Party Politics*, vol. 21, no. 1: 143—152.
- Budge I. (1994) "A New Spatial Theory of Party Competition: Uncertainty, Ideology and Policy Equilibria Viewed Comparatively and Temporally" // *British Journal of Political Science*, vol. 24, no. 4: 443—467.
- Cox G.W. (1997) *Making Votes Count: Strategic Coordination in the World's Electoral Systems*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Dalton R.J. (2018) *Political Realignment: Economics, Culture, and Electoral Change*. Oxford: Oxford University Press.
- Downs A. (1957) *An Economic Theory of Democracy*. New York: Harper and Row.
- Duverger M. (2002) *Politicheskie partii* [Les partis politiques]. Moscow: Akademicheskij proekt. (In Russ.)
- Green-Pedersen C. (2019) *The Reshaping of West European Party Politics: Agenda-Setting and Party Competition in Comparative Perspective*. Oxford: Oxford University Press.
- Hooghe L. and G.Marks. (2018) "Cleavage Theory Meets Europe's Crises: Lipset, Rokkan, and the Transnational Cleavage" // *Journal of European Public Policy*, vol. 25, no. 1: 109—135.
- Inglehart R. and C.Welzel. (2011) *Modernizatsija, kul'turnye izmenenija i demokratija: Posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitija* [Modernization and Democracy: The Consequences of Modernization]

nization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence]. Moscow: Novoe izd-vo. (In Russ.)

Katz R.S. and P.Mair. (2009) “The Cartel Party Thesis: A Restatement” // *Perspectives on Politics*, vol. 7, no. 4: 753–766.

Kitschelt H. and P.Rehm. (2015) “Party Alignments. Change and Continuity” // Baramendi P., S.Häusermann, H.Kitschelt, and HKriesi, eds. *The Politics of Advanced Capitalism*. Cambridge: Cambridge University Press: 179–201.

Kriesi H., E.Grande, R.Lachat, M.Dolezal, S.Bornschier, and T.Frey. (2006) “Globalization and the Transformation of the National Political Space: Six European Countries Compared” // *European Journal of Political Research*, vol. 45, no. 6: 921–956.

Lijphart A. (2012) *Patterns of Democracy: Government Forms and Performance in Thirty-Six Countries*. New Haven: Yale University Press.

Lipset S.M. and S.Rokkan. (1967) “An Introduction” // Lipset S.M. and S.Rokkan, eds. *Cleavage Structures, Party Systems, and Voter Alignments: Cross-National Perspective*. New York: Free Press: 1–61.

Menz G., ed. (2022) *The Resistible Corrosion of Europe’s Center-Left after 2008*. London: Routledge.

Sartori G. (1976) *Parties and Party Systems: A Framework for Analysis*. Cambridge: Cambridge University Press.

Volkens A., J.Bara, I.Budge, M.D.McDonald, and H.D.Klingemann. (2013) *Mapping Policy Preferences from Texts III: Statistical Solutions for Manifesto Analysts*. Oxford: Oxford University Press.